

Утром в переулке Логу уже царил оживлённая атмосфера. Большинство прохожих были мелкими торговцами, продающими сладости, овощи или замороженные хурмы, а также те, кто предлагал услуги по ремонту посуды или заточке ножей. Жители, открывая двери своих домов, могли сразу же купить всё необходимое. Крики торговцев звучали мелодично. Бэйпин, бывшая столица, был полон больших усадеб, и торговцам приходилось кричать так громко, чтобы их слышали сквозь толстые стены. За долгие годы они отточили свои голоса, сделав их громкими, глубокими и мелодичными. Кто-то даже придумал для их криков ритм, который легко запоминался, а слова были простыми и забавными. Когда утренний свет озарял старые городские стены, именно они становились первыми актёрами в спектакле под названием Бэйпин.

Шан Сижуй, закончив тренировку, включавшую прыжки и акробатику, стоял посреди двора, расправив руки на поясе, и начинал разминку голоса. Будучи известным мастером как в пении, так и в боевых искусствах, он уделял утренним занятиям вдвое больше времени, чем другие. Когда он только приехал в Бэйпин, каждое утро бежал к храму Неба, чтобы разминаться. Но после переезда в переулок Логу путь до храма стал слишком далёким, и, будучи ленивым, он решил заниматься дома. В пять утра, когда ещё было темно, его голос, звучавший из дома Шанов, напоминал то ли крик привидения, то ли вопль жертвы убийства, пугая соседей и вызывая их гнев. Однако Шан Сижуй не сдавался. Он предпочёл терпеть ругательства соседей, чем искать открытое место за городом. Вскоре он понял, что крики торговцев, начинавших работу около шести утра, могли стать отличным прикрытием. Их голоса были громче его, и большинство соседей к этому времени уже просыпались. С тех пор он изменил свой график, вставая на час позже и начинал заниматься одновременно с торговцами.

Его протяжный крик был встречен ответом с другого конца переулка:

— Эй! Продаю лепёшки! Лепёшки с яйцом, с красной фасолью, с мясом! Сладкие и солёные!

Переулок Логу, расположенный в южной части Бэйпина, был населён простыми людьми, и лишь усадьба Чэн Фэнтая, напоминавшая дворец князя, выделялась на фоне остальных домов. Крики торговцев здесь были грубыми и резкими, как удар палкой по уху, напоминая стиль циньской оперы.

Шан Сижуй, загоревшись азартом, взял высокую ноту. Торговец лепёшками не остался в долгу и прокричал в ответ:

— Дети, ешьте лепёшки с яйцом, и в следующем году станете первыми на экзаменах! Девушки, ешьте лепёшки с красной фасолью, и вам не понадобится румяна! Мужчины, ешьте лепёшки с мясом, и станете сильными, как быки!

Судя по тому, как торговец смог выкрикнуть столько слов без перерыва, он явно превзошёл Шан Сижую. Тот, вдохновлённый, выбрал из оперы «Осенний павильон» самый быстрый и сложный отрывок, требующий большого мастерства, и бросил вызов. Они соревновались друг с другом, переключаясь с разных концов переулка, и ни один не хотел уступать. Шан Сижуй подумал: «Молодец! В моём тереме Водных Облаков нет ни одного актёра с таким голосом. В глуши всегда найдутся таланты, жаль, что он выбрал не ту профессию».

Сяо Лай, стоя рядом с чайником, с улыбкой вздыхала. Изначально цель разминки голоса была в том, чтобы разогреть связки и улучшить дыхание, но Шан Сижуй, если его провоцировали или он был в настроении, превращал это в настоящий спектакль. Неудивительно, что соседи теперь относились к ним с таким энтузиазмом — звезда сцены, устраивающая домашние представления каждые пару дней, это ли не счастье?

Их соревнование привлекало внимание соседей, которые, не видя их, но слыша голоса, подбадривали и подогревали азарт. Шан Сижуй, чья профессия зависела от голоса, не мог позволить себе проиграть торговцу. В последнем раунде он использовал свой козырь — арию «Зов маленького фаня». Будучи профессионалом, он выложился на полную, и торговец лепёшками тут же замолчал.

Шан Сижуй, подождав несколько секунд и не услышав ответа, с гордостью улыбнулся и, пригубив чай, посмотрел на Сяо Лай. Та, зная, что он хочет услышать, сказала:

— Наш господин Шан никогда не проигрывает в голосе, с кем бы ни соревновался.

Шан Сижуй самодовольно ответил:

— Конечно!

Вдруг раздался стук в дверь. Сяо Лай открыла и увидела на земле свёрток, завернутый в масляную бумагу. На другом конце переулка торговец лепёшками, неся коромысло, медленно удалялся. Сяо Лай развернула свёрток и увидела две лепёшки разных видов. Она крикнула ему:

— Эй! Вернитесь! Я заплачу!

Торговец, не оборачиваясь, прокричал в ответ:

— Пусть господин Шан съест, чтобы голос был крепче!

Оказалось, что торговец знал, кто живёт в этом доме, и специально пришёл, чтобы посоревноваться. Проиграв, он с достоинством оставил лепёшки в подарок. Сяо Лай, открыв свёрток, с сожалением посмотрела на него. Для мелких торговцев, зарабатывающих по несколько юаней, это был не такой уж дешёвый подарок. Но Шан Сижуй чувствовал себя спокойно — на сцене он зарабатывал серебром, а здесь — лепёшками. В любом случае, это был честный заработок.

Откусив кусок лепёшки с мясом, Шан Сижуй услышал, как торговец кричал вдалеке:

— Подлинные лепёшки от старого Нью! Хрустящие и с начинкой! Господин Шан одобрил!

Шан Сижуй замер, с крошками на губах, и растерянно произнёс:

— Я такого не говорил.

Сяо Лай рассмеялась, взяла платок и, вытирая ему рот, смотрела на него с нежной жалостью. Шан Сижуй был то умным, то глупым. Когда он был умным, всё понимал с полуслова. Когда глупым — хуже ребёнка. Как за ним можно было не волноваться? Сяо Лай решила, что никогда не выйдет замуж, а будет заботиться о нём.

Чэн Фэнтай, стоя на пороге, потянулся и зевнул так громко, словно хотел кого-то укусить. Сяо Лай сразу же нахмурилась, её глаза стали холодными, и, сунув сверток в руки Шан Сижую, она ушла. Тот, держа лепёшки, подошёл к Чэн Фэнтаю:

— Второй господин, ты проснулся? Возьми, поешь!

Чэн Фэнтай, выбрав лепёшку с красной фасолью, лениво проговорил:

— Даже мёртвый бы проснулся от твоего крика!

Шан Сижуй возмутился:

— Эти лепёшки я заработал своим голосом!

Чэн Фэнтай, подняв бровь, посмотрел на лепёшку в руке, откусил и усмехнулся:

— О? Неплохо. Теперь можно и не выступать на сцене, голодным не останешься. Пойди, господин Шан, принеси мне воды.

Чэн Фэнтай говорил с Шан Сижуюем так, как обычно разговаривал со своими сыновьями. Тот живо согласился, побежал в дом, принёс чашку горячего чая и, боясь, что Чэн Фэнтай подавится лепёшкой, быстро вернулся. Чэн Фэнтай, наблюдая за его детской энергией, усмехнулся — он ничем не отличался от своих сыновей. Позавтракав, он снова почувствовал сонливость, снял обувь и, сев на кровать, поманил Шан Сижую:

— Господин Шан, полежи со мной ещё немного?

Шан Сижуй совсем не хотел спать, но послушно разделась и лёг рядом с Чэн Фэнтаем. Тот обнял его за талию, прижался носом к его груди и мгновенно уснул. Шан Сижуй, скучая, начал играть с его волосами, но вскоре, под тихий храп Чэн Фэнтая, тоже заснул.

Они проспали до самого обеда. Сяо Лай, приготовив еду, сама поела на кухне, не потревожив их. Зато старина Гэ, служивший Чэн Фэнтаю больше десяти лет и знавший все его привычки, пришёл как раз вовремя. Чэн Фэнтай, открыв глаза, услышал его голос за дверью:

— Второй господин, я принёс вам сменную одежду.

Чэн Фэнтай хмыкнул в ответ и продолжил лежать в постели, а Шан Сижуй последовал его примеру. Старина Гэ, подождав некоторое время и не дождавшись ответа, начал разговаривать с Сяо Лай под навесом. Та, ненавидя Чэн Фэнтая, не хотела общаться даже с его слугой. Видя, как тот пришёл точно в нужное время, она поняла, что Чэн Фэнтай часто ночует вне дома, и

старина Гэ привык к таким ситуациям. Поэтому она полностью игнорировала его, что заставило старину Гэ чувствовать себя неловко.

На кровати Шан Сижуй хлопнул Чэн Фэнтая по груди:

— Второй господин, пора вставать. Я голоден.

<http://bllate.org/book/15435/1368580>